

© — 1994 О. Е. ИВАНОВА

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В течение более тридцати пяти лет специалисты-филологи и самый широкий круг потребителей словарной продукции пользуются единственным орфографическим словарем общего типа, созданным в Академии наук в соответствии с «Правилами русской орфографии и пунктуации» 1956 г. «Орфографический словарь русского языка»¹ со времени своего появления заполнил собою все пространство отечественной орфографической лексикографии. Попыток создать какой-либо другой орфографический словарь не предпринималось. В результате изменилось положение дел в целом в данной лексикографической области, для которой было характерно разнообразие орфографических словарей, существовавшее вплоть до 30-х годов.

Орфографические словари ушедшей эпохи были авторскими, т. е. принадлежали перу отдельных энтузиастов — в основном преподавателей гимназий и университетов, ученых, и создавались не под эгидой Академии наук. Первым авторским словарем по орфографии считается «Полный русский орфографический словарь» Павла Ромашкевича 1881 г., включавший около 60 тыс. слов. Последним заметным авторским словарем был, видимо, «Новый полный справочный орфографический словарь» Я. С. Хомутова, вышедший 3-м изданием в 1929 г. и вмещавший около 100 тыс. слов. Всего же в XIX и в первую треть XX в. было написано свыше тридцати оригинальных общих словарей, не считая десятка словарей, посвященных букве ять, и небольших словариков для учащихся. Среди создателей этих разнообразных орфографических справочников есть как видные филологи, так и те, имена которых неизвестны современному читателю: Н. И. Греч, А. О. Студенский, В. П. Геннинг, П. Ромашкевич, А. Спицын, В. Разыграев, А. Русаков, К. Чернышев, В. Зелинский, Н. Баталин, А. Новопашенный, И. К. Ган, Ф. И. Розов, В. Покровский, Д. Н. Сеславин, А. Н. Чудинов, С. Н. Алексеев, В. Кименталь, С. Г. Руч, А. Миронов, З. Опоков, Ф. Абраменко, С. Басов, В. Александров, Д. Головин, Я. С. Хомутов, А. М. Ильин, М. Алтабаев, И. Сахаров, И. И. Огиенко, И. Н. Шапошников, М. Вольпер, П. А. Соколов, Г. Г. Тумим, Н. Гуднов, Е. В. Кротевич, А. А. Кудрявцев (при составлении списка авторов использована библиография, опубликованная в [1]).

Сопоставление двух эпох в орфографической лексикографии — вторую из них, современную, открывает «Орфографический словарь русского языка» 1956 г. — показывает, что ее развитие пошло по пути монополизации: словарное многообразие уступило место единообразию лексикографической формы и единству орфографической концепции, реализованным в действующем «Орфографическом словаре». В связи с этим представляется возможным рассмотреть ситуацию в

¹ К настоящему времени словарь вышел 31-м изданием, причем перерабатывались лишь издание 5-е, 1963 г. (редакторы С. Г. Бархударов, С. И. Ожегов, А. Б. Шапиро), издание 13-е, 1974 г. (редакторы С. Г. Бархударов, И. Ф. Протченко, Л. И. Скворцов), издание 29-е, 1991 г. (редакторы В. В. Лопатин, Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая, Ю. Н. Караулов, С. М. Кузьмина).

области орфографической лексикографии русского языка в диахронном аспекте, в исторической перспективе, проследить в целом за направленностью ее развития.

Авторская орфографическая лексикография существовала как бы в двух измерениях, на пересечении двух основных координат. Одна координата — неединственность орфографических рекомендаций в словарях. В условиях активно развивающегося в XIX в. процесса становления норм русского письма (объективный фактор) и при отсутствии освященного законом орфографического регламента — правил, устанавливающих правильную письменную передачу слов (субъективный фактор), наличие конкурирующих написаний было неизбежно. Так же неизбежны были и объясняющие их правильность различные рекомендации теоретических трудов и словарей. Неединственность рекомендаций практически реализовывалась в том, что словари фиксировали и, следовательно, допускали в употреблении собственно орфографические варианты слов (проблема орфографической вариантности в ее отношении к норме рассматривается в [2]). При этом указание на альтернативные написания слова в одном и том же справочнике являлось вполне ординарным. Так, Я. К. Грот в филологическом указателе к «Спорным вопросам русского правописания» (издание 2-е, 1876 г.) дает как равноправные написания *оляповатый* и *аляповатый*, *реторика* и *риторика*, *остреё* и *остриё*, *компаніонъ* и *компаньонъ*, *куріозный* и *куръёзный*. Орфографические пары со знаком равенства *аладья-оладья*, *амбарго-эмбарго*, *Ефимъ-Евимъ* и др. содержатся в словаре П. Ромашкевича (издание 5-е, 1898). Двойственными написаниями, правда, с необходимой оговоркой в предисловии о предпочтительности одного из них, изобилует и уже упоминавшийся орфографический словарь Хомутова (1929 г.) *бадыга* — *бодяга*, *диета* — *дизта*, *азбест* — *азбест*, *задхлость* — *затхлость*, *баласт* — *балласт*, *в разрез* — *вразрез* и т. д.

В альтернативных рекомендациях одного словаря, как показано выше, орфографический разнобой проявлялся и закреплялся наиболее явным для читателя способом. Орфографический разнобой обнаруживал себя также в противоречащих друг другу правописных рекомендациях разных словарей, что для рядового пользователя могло остаться и не замеченным. Характеризуя дореволюционные орфографические словари, С. И. Ожегов отмечал, что они «мало отвечали задачам орфографической нормализации русского языка. С одной стороны, многие разделы русской орфографии не были регламентированы, с другой стороны, словари не пытались последовательно и принципиально разрешить спорные случаи написаний, а следовали за сложившейся практикой, и притом каждый по-своему» [3, с. 32]. Неявное для читателя проведение отдельными авторами собственных представлений о том, как надо писать то или иное слово, усугублялось апелляцией к авторитету Я. К. Грота. Вплоть до 30-х годов нашего века, отражая и допуская разнописания, составители орфографических справочников ссылались на рекомендации этого известного филолога. Таковы, например, вариации типичной формулировки в предисловиях или в подзаголовках словарей: «составлен по руководству акад. Грота» (Н. Баталин, 1888), «составлен по последним разысканиям акад. Грота» (Ф. И. Розов, 1893), «правописание по Гроту и академическим словарям» (К. Чернышев, 1910), «составлен по Гроту и новейшим указаниям Академических словарей» (С. Басов, 1911), «составил по Гроту, „Толковому словарю“ Даля, академическому словарю и др. источникам» (Ильин, 1912).

Насколько рекомендуемая авторами орфография не совпадала с реальной гротовской, видно, в частности, из сопоставления написаний Грота с написаниями словаря П. Ромашкевича (семь изданий с 1881 по 1914 гг.), в предисловии к 3-му изданию которого говорится, что оно «исправлено по всем известному и всеми принятому „Русскому правописанию“ акад. Я. К. Грота». В руководстве «Русское правописание» (издание 5-е, 1886 г.) Грот предлагает так писать следующие слова (приводим часть слов, испытывавших в то время наиболее значительные колебания на письме): *калачъ* (в справочном указателе к «Спорным вопросам...» 1876 г. было *колачъ*), *корокатица*, *корячиться*, *коровай* (в указателе

1876 г. *каравай*), *корочун*, *оладья*, *оляповатый* (в указателе 1876 г. было также *аляповатый*), *вотрушка*, *вырасти*, *выращать*, *зарасти*, *зарастать*, *заращать*, *заросль*, *япанча*, *брошюра*, *брошировать*, *мужчина*, *итти*, *ветчина* (в указателе 1876 г. *вядчина*), *задхлый* и *затхлый*, *гостиница*, *искусство*, *галерея* (в указателе 1876 г. *галерея*), *декабрьский* (в указателе 1876 г. *декабрский*), *итакъ* и *такъ*, *во-время*, *вовѣкъ*, *вовѣки*, *во-свосяси*. Словарь Ромашкевича (1898) те же слова приводит в написаниях *калачъ*, *каракатица* (*каракатицевый*, *каракатичный*), *карячиться*, *каравай*, *карачун*, *аладья* и *оладья*, (*аляповатый* — нет слова), *ватрушка*, *вырости*, *выростать*, *зарости*, *заросль*, *епанча*, *брошюра*, *брошюровать*, *мужчина*, *идти*, *ветчина*, *затхлый*, *гостиница*, *искусство* (а не *искусство* — помета в скобках, О. И.), *галерея*, *декабрьский*, и *такъ*, *во время*, *во вѣкъ*, *во вѣки*, *во свояси* (выделены слова, совпадающие в написании с гротовским). Словарь Хомутова (1911) более последовательно проводит гротовскую орфографию. Из рассматриваемого условного списка орфографически интересных слов в отношении лишь двух *колачъ* и *восвосяси* применено иное орфографическое решение.

Неединственность правописных рекомендаций в словарях, обусловленная отсутствием единого нормативного свода правил, была, в сущности, исторически плодотворна. Она объективно способствовала выявлению проблем, характеризующихся особой «напряженностью» в орфографии, обнаружению конкретных проявлений орфографического разнобоя. В конечном счете все это оказало влияние на формирование представлений об орфографических нормах и последующее обобщение их в сводах правил уже в советское время [4, 5].

Второе измерение, вторая генеральная координата авторских орфографических словарей, особенно наглядная на фоне единственного словаря нашего времени, — неединственность лексикографического решения темы, т. е. разнообразие видов словарного представления материала. Плюрализм лексикографической формы характеризует как количественную сторону словников орфографических справочников, так и их содержание. Так, объем описываемого материала колеблется от 5—15 тыс. слов (в малых словарях Абраменко, Алтабаева, Александрова, Сахарова) до 50—100 тыс. слов (в словарях Ромашкевича, Сеславина, Хомутова), что позволяло читателю выбрать справочник в соответствии со своими потребностями. Практически во всех словарях со значительным количеством единиц (более 30 тыс.) непременно частью общего словаря выступали собственные имена: или только личные, как в словаре М. Вольпера, или ономастическая лексика в широком смысле слова, т. е. личные имена реальных исторических деятелей и современников, литературных героев, мифологических персонажей, названия географических и астрономических объектов и т. д. От этой традиции, в значительной степени повышающей справочную ценность орфографических словарей, намеренно отказался «Орфографический словарь» 1956 г. Его авторы мотивировали свое решение особенностями орфографии собственных имен, ее отличием от орфографии нарицательной лексики [3, с. 33²]; см. также [6]. В результате этот обширнейший пласт лексики, отличающейся высокой степенью орфографической трудности, так и не подвергся филологическому лексикографированию.

Авторские орфографические словари строились на алфавитном (например, словарь Сеславина) или алфавитно-гнездовом способе подачи, проведенном с разной степенью полноты и последовательности (словарь Я. С. Хомутова, П. Ромашкевича). Заголовочные слова при этом не всегда снабжались ударением (его нет в словарях Ромашкевича, Сеславина), которое современными пользо-

² Такой подход к ономастике в орфографическом словаре формулировался и позднее [1, с. 234]. Выражается также иная точка зрения, признающая целесообразность и плодотворность помещения собственных имен в общий алфавитный список толкового словаря [7] и орфографического словаря [8].

вателями орфографических словарей воспринимается как вполне естественный атрибут словарной единицы. Заметным своеобразием некоторых авторских словарей является написание всех слов с прописной буквы — такая подача была принята Я. К. Гротом в его словарных указателях к «Спорным вопросам...» и «Русскому правописанию», в словарях Александра, Сеславина. И отсутствие ударения, и неразличение строчной и прописной букв относятся к числу лексикографических приемов, которые не отвечают целям орфографического словаря. С этой точки зрения более перспективным оказался такой лексикографический прием, как приведение в словарной статье всех парадигматических форм слова, отличающихся орфографической значимостью, в различном объеме применявшийся авторами словарей и перешедший в действующий «Орфографический словарь», а также прием подтолковки слов — омонимов, паронимов, введение орфографического комментария (см. словарь Сеславина). В случае практически сплошной подтолковки ономастической лексики, что характерно, например, для словаря Хомутова, филологический характер пояснений уступает место энциклопедическому.

Обращая внимание на разнообразие подходов, варьирование способов подачи единиц в различных орфографических словарях прошлого, мы можем оценить их не только как закономерную черту «авторского» периода лексикографии, но и как имеющий значение для современности процесс отработки лексикографических приемов, некоторые из которых можно было бы взять на вооружение и сегодня.

«Орфографический словарь русского языка» 1956 г. (далее ОС) своеобразно закрыл сложившиеся к тому времени лексикографические традиции. Его появление внесло качественную перемену в содержание названных выше генеральных координат. Поскольку до сегодняшнего дня ОС в силу различных обстоятельств остается «словарем-монополистом», координатами современной русской орфографической лексикографии стали единственность орфографической рекомендации и единственность орфографической формы. Таким образом, орфографическая лексикография, приобретая в советское время статус академической, получила координаты с противоположным знаком по отношению к предшествующему состоянию, к традиции.

В соответствии с общепринятой ныне классификацией словарной литературы «Орфографический словарь русского языка» принадлежит к типу общих орфографических словарей. Он является словарем для всех, основной лексикографический параметр которого составляет показ письменной формы слов и словосочетаний. Типологически ОС противопоставляется, с одной стороны, словарям учебным (для школьников, для иностранцев), словарям для издательских работников и других специалистов (существует, например, «Орфографический морской словарь» — М., 1974), т. е. имеет как бы недифференцированного адресата, и в этом смысле у ОС нет «своего» читателя-пользователя. С другой стороны, ОС составлен с установкой на решение всех орфографических проблем, и потому противопоставляется специализированным орфографическим словарям «одной темы» (имеются в виду такие словари, как «Слитно или раздельно?» Б. З. Букчиной и Л. П. Калакуцкой, «Прописная или строчная?» Д. Э. Розенталя, «Слова с двойными согласными» Н. П. Колесникова). Дальнейшие наши рассуждения строятся на учете типологической принадлежности ОС к общим словарям, что и позволяет отметить уникальную особенность его положения в отечественной лексикографии.

Выше мы останавливались на такой черте авторской лексикографии, как неединственность орфографических рекомендаций, признав ее плодотворной для своего времени. Принципиальным содержательным изменением теории и практики современной орфографии стал отказ в орфографических рекомендациях от вариантности, столь характерной для правописания предшествующей эпохи. Орфографические варианты, по сравнению с языковыми, всегда избыточны, «отказ от одного из вариантов только унифицирует письмо, никак не затрагивая сам

язык, систему языковых средств» [2, с. 218]. Нормализаторская деятельность филологов прошлого, требования преподавателей и общественности всегда были направлены на устранение разнописаний и противоречащих друг другу рекомендаций в различных словарях и филологических пособиях. Характерно, что для называния состояния орфографии в филологической литературе и в печати использовались слова *разнобой*, *неупорядоченность*, *единообразие* (как желаемое состояние), а действия, которые необходимо произвести над орфографией, обозначались как *упорядочение*, *унификация*, *усовершенствование*.

Осознание избыточности собственно письменных вариантов слов, не связанных непосредственно с языковой сущностью слова и обусловленных отсутствием строгих правил и субъективным выбором пишущего, постепенное вытеснение, устранение таких вариантов (как сознательное — в результате нормализаторской деятельности, так и неосознанное) — такой естественный путь становления прошла современная русская письменная практика. В «Орфографическом словаре» 1956 г. и была реализована длительная работа по ликвидации собственно орфографической вариативности в русском письме, начатая Я. К. Гротом. С этих пор в регламентирующих орфографическую норму документах — «Правилах» 1956 г., самом ОС, пособиях по правописанию — закреплено представление о ненормативности орфографического варьирования. Это представление и сегодня отражает точку зрения многих орфографистов, хотя следует признать, что существует и иное отношение к орфографической вариантности. Так же как и первое, оно опирается на признание ведущей роли письменно-печатной практики в кодификаторской деятельности орфографистов. Однако следствием такого признания является не выбор одного целесообразного способа написания, а допущение существования на письме вариантов, нередко неизбежных на начальном этапе письменной жизни слова, возможности их фиксации в нормативных источниках и вытекающего отсюда ограничения кодификаторской функции лингвистов.

В предисловии к ОС его основополагающий принцип сформулирован следующим образом: «Орфографический словарь дает одно, признанное правильным написание слова и не допускает собственно орфографических вариантов». Таким образом, для ОС как словаря общего типа принципиальна установка на единственность орфографической рекомендации, которая обязательна для всех пишущих на русском языке.

В свою очередь, тематические орфографические словари, посвященные одной проблеме и углубленно ее разрабатывающие на значительно более обширном материале, чем общий ОС, в определенной мере ценны именно тем, что в них могут быть зафиксированы иные правописные рекомендации. Наличие таких словарей важно для исследователей и для лексикографической перспективы. Специализированные словари в наше время составляются по частной инициативе, в этом смысле они продолжают традиции авторской лексикографии. В наибольшей степени сказанное относится к словарю-справочнику «Слитно или раздельно?», который как бы в нарушение принципа единственности орфографической рекомендации предлагает в определенных случаях свое нормативное решение данной отдельной орфографической проблемы (см. предисловие к 1-му изданию словаря 1972 г., помещенное в последующих изданиях). Авторы его Б. З. Букчина и Л. П. Калакуцкая сознательно исходят из того, что «при упорядочении правописания в такой орфографически трудной группе, какую представляют сложные существительные и прилагательные, не могут не появиться расхождения с рекомендациями „Орфографического словаря русского языка“, который, будучи нормативным словарем по всем орфографическим проблемам, данный вопрос решает на сравнительно небольшом материале» (издание 3-е, 1982 г., с. 7—8). Таким образом, нарушение нормы, предписанной Правилами 1956 г., как бы входит в задачу справочника «Слитно или раздельно?» в отличие от ОС, в котором обусловленные реальной практикой письма и вынужденные отступления от устаревших правил слитно-дефисного написания проведены неявно и фрагментарно. Однако и в решении этой частной орфографической проблемы —

правописание сложных слов — заметна тенденция свести к общему знаменателю данные обоих словарей, сблизить их установки³.

Единственность орфографической рекомендации, выражающаяся в устранении собственно орфографических вариантов из словаря, можно рассматривать как такой уровень развития русской орфографии, при котором ее включенность в область лингвистической ортологии приобрела особое качество, поскольку для языковой ортологии характерна вариантность, а для орфографической — отсутствие вариантов. В целом отход от традиции и «перемена знака» у соответствующей лексикографической координаты были плодотворны.

Фактом современной орфографической лексикографии, воспринимающимся, напротив, как некая утрата на фоне многоликой эпохи авторских словарей, стала единственность словарного решения, осуществленного в ОС. По существу произошло своеобразное отрицание разнообразия лексикографического воплощения орфографической темы, поскольку за 35 лет не было реальных попыток создать другой словарь общего типа. ОС построен, как представляется, на целой системе отказов от словарных решений предшествующей традиции.

Во-первых, отказ от помещения в словарь ономастической лексики, хотя собственные имена, и не только личные, всегда присутствовали, как говорилось выше, в орфографических словарях в том или ином объеме. Орфографическая релевантность собственных имен признается теоретиками орфографии⁴. То, что ОС ограничился списком личных имен, даваемым в приложении, соответственно ограничило разрешающую способность словаря.

Во-вторых, отказ от словарной статьи с большим количеством зон. «Структура орфографического словаря по самому своему содержанию не может отличаться большой сложностью», — писал С. И. Ожегов [3, с. 37]. Поэтому в ОС была реализована идея академического словаря, ориентированного на максимально конкретную задачу. Не отраженными в словаре остались многие парадигматические формы слов, богатая русская фразеология; отсутствие вспомогательного аппарата — разного рода помет, толкований обусловило недифференцированность лексического массива словаря. Не нашлось места и устаревшим грамматико-произносительным вариантам слов, встречающимся в классической литературе XIX — начале XX вв. (например, *крила, принципы*), которые нередко принимают ошибочно за орфографические.

В-третьих, отказ от сложной структуры самого словаря, от разнообразных приложений, списков знаков, обозначений, всего того, что связано с возникающими при создании письменного текста вопросами.

Таким образом, многие лексикографические приемы, принятые в ОС, представляются не всегда рациональными. В рамках словаря рассматриваемого типа возможны и иные, более современные подходы к конструированию словарной статьи и всего словаря в целом. В связи с этим общая линия развития отечественной орфографической лексикографии видится как уход от монопольного положения ОС в сфере лексикографической формы, т. е. создание других общих орфографических словарей. Из двух координат, о которых шла речь в данной статье, перспектива развития связывается сейчас лишь с одной — координатой многообразия лексикографической формы словарей.

Итак, в условиях нормативности, заданной едиными Правилами орфографии,

³ В 29-е издание ОС 1991 г. был внесен ряд изменений в правописание части сложных прилагательных: «В основу изменений в написании сложных прилагательных данного издания словаря легли рекомендации специального словаря-справочника „Слитно или раздельно?“, вышедшего к настоящему времени 7-м изданием. Однако авторы „Орфографического словаря“ вынуждены считаться с тем, что „Правила“ 1956 года формально не отменены, и поэтому последовательно провести написание всех сложных прилагательных в соответствии с рекомендациями „Слитно или раздельно?“ на данном этапе невозможно» (издание 29-е, с. 3).

⁴ См. сборник статей «Орфография собственных имен». М., 1965. Б. З. Букчина пишет: «К сожалению, до сих пор в лексикографической практике нет орфографических словарей личных имен, а между тем этот разряд слов представляет больше орфографических трудностей, чем любая другая группа слов» [2, с. 234].

есть место и такому явлению, как орфографический плюрализм. Это не плюрализм орфографической нормы, а многообразие видов лексикографической реализации. В ее рамках можно представить себе: 1) словарь «академического» типа, т. е. того, к которому стремились нынешний ОС, и словарь, решающий большее количество задач, поскольку традиционно в русской лексикографии орфографический словарь имеет один из самых больших словников и выполняет поэтому функцию представления словарного состава русского языка; 2) словари общие различного объема (большой, средний и малый) и учебные (с показом ошибочных написаний, помещенных также в заголовочных статьях); 3) орфографические словари нарицательной лексики и собственных имен, а также гибридные; 4) словари с разнообразными сопутствующими сведениями-приложениями (относящимися к письму вообще): знаки, алфавиты других языков, правила транслитерации и др.) и без таковых, но обязательно с орфографическими правилами.

Современность благоприятствует развитию орфографии как науки и орфографической лексикографии. Орфографическая наука, пережившая время забвения после дискуссии 60-х годов, оживает сейчас вместе с возрождающимся интересом к культуре вообще и к русской письменной культуре в частности. Среди разнообразных процессов, поставивших проблему русского языка и письменности в центр внимания общества, нам видится процесс «плюрализации» орфографической лексикографии, создание отечественного Большого орфографического словаря.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Букчина Б. З. О типах орфографических словарей: (Обзор)//Нерешенные вопросы русского правописания. М., 1974.
2. Букчина Б. З. Орфографические варианты//Литературная норма и вариантность. М., 1981.
3. Ожегов С. И. Упорядочение русской орфографии//Вестн. Академии наук. 1957. № 1.
4. Свод орфографических правил. 2-я редакция. Проект. М., 1936.
5. Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956.
6. Реформатский А. А. Орфография собственных имен//Орфография собственных имен. М., 1965.
7. Калауцкая Л. П. Размышления о русской лексикографии: (В связи с выходом в свет Русско-японского словаря)//Вопр. языкознания. 1991. № 1.
8. Иванова О. Е. Традиции орфографической лексикографии и современный орфографический словарь//Орфографический сборник. Вып. 1.